А. К. Жолковский

✉ *alik@usc.edu*
Университет Южной Калифорнии (Лос-Анджелес)
(США, Лос-Анджелес)

ГЛОКАЯ ЩЕРБА: что, как, зачем

Аннотация. В статье обосновывается нетрадиционный взгляд на феномен знаменитой фразы Л. В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». В солидной наличной литературе вопроса принято, следуя за автором лингвистического эксперимента столетней давности, повторять, уточнять, корректировать и расширять круг потенциальных семантических интерпретаций этой грамматически правильной, но лексически «опустошенной» языковой структуры. Новаторский шаг в трактовке феномена «глокой куздры» был сделан Ф. Н. Двинятиным, указавшим на поэтическую природу рассматриваемой фразы как своего рода заумного стихотворения. Развивая наблюдение Двинятина, автор статьи демонстрирует систематическую «художественность» акции Щербы на разных ее уровнях (лексическом, морфологическом, фонетическом, перформативном, публикаторском и др.). Главным ее конструктивным принципом оказывается выдача художественной акции за научную.

Ключевые слова: глокая куздра, Лев Щерба, Лев Успенский. Борис Успенский, Федор Двинятин, эксперимент, грамматика, лексика, семантика, прагматика, поэтика, заумь, тропика, перформанс

Благодарности. За обсуждение, замечания и подсказки автор признателен К. А. Богданову, Илье Виницкому, Ф. Н. Двинятину, Анне А. Зализняк, И. А. Мельчуку, В. А. Мильчиной, Л. Г. Пановой, И. А. Пильщикову, О. А. Проскурину, А. А. Раскиной, Игорю П. Смирнову, Я. Г. Тестельцу, Б. А. Успенскому и Н. Ю. Чалисовой

Для цитирования: *Жолковский А. К.* ГЛОКАЯ ЩЕРБА: что, как, зачем // Шаги / Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 172–196. EDN: JVCBJS.

Поступило 28 сентября 2025 г.; принято 7 апреля 2026 г.

© А. К. ЖОЛКОВСКИЙ, 2026

EDN: JVCBJS

Shagi / Steps. Vol. 12. No. 2. 2026
Articles

A. K. Zholkovsky
✉ *alik@usc.edu*
University of Southern California (Los Angeles)
(USA, Los Angeles)

"GLOKAIA SHCHERBA": WHAT, HOW, WHEREFORE

Abstract. The article proposes a challenging nontraditional view of the remarkable, seemingly Russian, sentence coined by the Russian linguist Lev V. Shcherba (1880–1944): *Glokaia kuzdra shteko budlanula bokra i kurdiachit bokrionka*. In the quite solid extant scholarly literature on this linguistic experiment initiated a century ago, researchers (including Boris A. Uspenskij, in his important 2007 book) have generally sought to follow Academician Shcherba's own authoritative example and, therefore, repeat, confirm, refine, and/or expand the range of possible semantic interpretations of this grammatically correct but lexically "emptied out" — and thus, at first glance, completely meaningless — Russian linguistic structure. A pioneering step toward a new understanding of the famous *glokaia kuzdra* phenomenon was taken in 2000 by Fedor N. Dviniatin, who identified the characteristically poetic features of Shcherba's sentence, treating it as a kind of *zaum'* (trans-sence) poem, akin to those by the famous Futurist poet Velimir Khlebnikov (1885–1922). Developing Dviniatin's insight, the author demonstrates the systematic "artisticity" of Shcherba's act on many levels: lexical, morphological, phonetic, performative, and editorial, among others. The main constructive principle underlying this act lies, according to the author, in presenting what is basically an artistic text and performance under the guise of a linguistic. i. e. scientific, experiment — and, so far, getting away with it.

Keywords: *glokaia kuzdra*, Lev Shcherba, Lev Uspenskij, Boris Uspenskij, Fedor Dviniatin, linguistic experiment, grammatical correctness, poetry of grammar, semantics, trans-sense poetry, performance, master trope

Acknowledgements. For discussion, corrections and suggestions the author is happy to thank Konstantin Bogdanov, Natalia Chalisova, Fedor Dviniatin, Igor Melchuk, Vera Milchina, Lada Panova, Igor Pilshchikov, Oleg Proskurin, Alexandra Raskina, Igor Smirnov, Iakov Testelets, Boris Uspenskij, Ilya Vinitsky, and Anna Zaliznak.

To cite this article: Zholkovsky, A. K. (2026). "GLOKAIA SHCHERBA": What, how, wherefore. *Shagi / Steps, 12*(2), 172–196. EDN: JVCBJS. (In Russian).

Received September 28, 2025; accepted April 7, 2026

© A. K. ZHOLKOVSKY, 2026

Посвящается Ф. Н. Двинятину

Ни одна фраза художественного произведения не может быть простым «отражением» личных чувств автора, а всегда есть построение и игра.
Борис Эйхенбаум

У человека с развитым логическим мышлением ложная аргументация свидетельствует об искажающем присутствии желания.
Бертран Рассел

Вас обманули. Вам дали гораздо лучший мех.
Остап Бендер

1. Название статьи, что и говорить, выпендренное. Широкому читателю, не слыхавшему ни об академике Щербе (1880–1944), ни даже о фразе про *глокую куздру* (которой прошлой осенью исполнилось сто лет), оно покажется просто нелепым, но вероятность его попадания на глаза этому носителю естественного интеллекта, к счастью, пренебрежимо мала. Зато для просвещенного читателя оно послужит приглашением на пир филологического духа. Он легко опознает отсылку к известному научному казусу, придирчиво отметит нескладность моего заглавия и, возможно, попытается предложить его грамматический разбор, — далеко, как он вскоре убедится, не однозначный.

Сходу, конечно, напрашивается конструкция:

(1) Прил. ж. р. ед. ч. им. п. в роли определения к сущ. ж. р. ед. ч. им. п. — типа привычных синтагм: *веселая наука, вкусная гречка*, *желтая кофта, роковая черта*[1].

Но по зрелом размышлении (и с опорой на грамматический словарь [Зализняк 1977]) проницательный читатель наметит еще полтора десятка допустимых прочтений — типа (2)–(15):

(2) *стая молодняка*, *свая моста*, а также с первым сущ., оканчивающимся не на *-ая*, а лишь на *-я*: *статуя полководца*, *копия рисунка*, *ставня окна*, *семья космонавта*, *заря востока*, *деревня деда, стезя подвига*;
(3) *вожатая / связная отряда*, *кривая взлета, мостовая проспекта*, *постоянная Гаусса*, *возлюбленная начальника*;
(4) *вторая слева*, *приезжая издалека*, *сумасшедшая сызмала*;
(5) *Аглая* (*Навсикая*) *Заремба*;
(6) *борзая хрома*, *звеньевая активна*, *святая добра*, *кладовая велика*, *Щелковская просторна*; *Гулая* (*Шенгелая*) *великолепна*;

[1] В статье сохраняется авторское оформление языковых примеров и цитат. В приводимых здесь и далее курсивом языковых примерах фрагменты, релевантные с точки зрения аргументации статьи, выделяются полужирным шрифтом.

(7) *края участка* (а также *поля текста, моря клевера*, *зеленя колхоза*);
(8) *купая сына*, *гладя щенка, читая Пушкина*;
(9) *пиля бревна*, *считая дома*, *мóя окна*;
(10) *изучая йоруба* (*хауса*, *фула*, *шона*), *охлопывая антраша*, *читая «Нана»*, *слушая «АББА»*, *освистывая ЦСКА*, *посещая Никарагуа* (*Манагуа*), *восклицая ура* (*ага*, *баста*, *эврика*, *майна*, *амба*);
(11) *ожидая суда*, *требуя пересмотра*;
(12) *пригубляя пива, пробуя пирога*, *вкушая одиночества*;
(13) *подражая Моруа*;
(14) *повелевая Дега*;
(15) *отдыхая дома*, *начиная снова*, *существуя века*, *покупая втридорога*, *раздевая донага*.

Поистине продвинутый читатель не остановится, однако, и на этом; от грамматического анализа он попытается перейти к лексико-семантическому и установит, что нарицательное существительное *щерба* в русском языке — правда, где-то на его региональных задворках, — вполне себе существует, причем даже не в одном, а в двух разных значениях:

(16) щербина, зазубрина;
(17) суп, похлебка (этимологический дублет слова *шурпа*) [Губарев 1970: 311].

А еще более утонченный читатель, возможно, констатирует систематическое бытование в одном профессиональном, «щербовском» пласте нашей родной речи элемента *ГЛОК-*, заслуживающего, таким образом, занесения в словари и подключения к разбору текстов на правах полноценной лексемы.

Впрочем, для осмысления моего заголовка и этого окажется недостаточно, ибо по-прежнему останется неясным, в каком роде и падеже выступает в нем форма *ЩЕРБА*, собственное это имя или нарицательное, и вообще, что хочет сказать автор своим художественным произведением. Проницательный читатель уловит, конечно, нотку непочтительности по отношению к покойному академику, но, надеюсь, согласится временно, в порядке кольриджевской «приостановки недоверия» отложить вынесение своего вердикта.

Знаменитую фразу Щербы я знал и любил с детства, но всерьез задумался о ней недавно. Я стал накапливать приходившие на ум соображения и уже перешел было к сочинению настоящего опуса, но вовремя обнаружил, что существует и множится богатейшая куздроведческая литература. Ознакомившись с ее лучшими образцами (и прежде всего с [Двинятин 2003; Безродный 2007; Успенский 2012; Светозарова 2023]), я убедился, что почти все, что я имел сказать (и многое, до чего, может быть, никогда бы не додумался), было уже продумано, написано и опубликовано. Такой удар со стороны классиков! А?

Но авторский зуд не проходил. Меня неудержимо тянуло взяться за перо: классики классиками, а будет другая «Глокая куздра», — так та уж

моя. Ну, может, не в глубокоуважаемом статейном формате (всяк месток знай свой шесток, как говаривал неподражаемый историк Борис Беленкин), а в эссеистском или хотя бы виньеточном[2].

2. Кратко проследим историю этого научного хита[3]. Осенью 1925 г. во вводной лекции к курсу языкознания в Петроградском государственном университете [Успенский 1971: 203], членкор (и лишь с 1943 г. действительный член) Академии наук Л. В. Щерба продиктовал вызванному к доске первокурснику совершенно неудобоваримую на взгляд того фразу:

(18) *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка*[4] —

а затем шаг за шагом убедил его и весь класс в том, что фраза эта — благодаря действию русской грамматики (например, употреблению формы *бокра*, указывающей на одушевленность этого существительного мужского рода) — вовсе не бессмысленна, а несет на редкость определенный месседж:

(19) Нечто женского рода в один прием совершило что-то над каким-то существом мужского рода, а потом начало что-то такое вытворять длительное, постепенное с его детенышем.

Этот номер Щерба повторял с небольшими вариациями еще несколько раз и в разных аудиториях (в частности, согласно одному из свидетельств,

---

[2] На чем, однако, основывалось мое упрямое убеждение, что мне все-таки есть что сказать — не просто слегка развить (подтвердить, подправить, дополнить) наблюдения коллег, а предложить что-то действительно стоящее? Я долго думал и в конце концов сообразил, на какое такое особенное ноу-хау я претендую. Оно, как полагается, троякое.

Во-первых, «ОНИ» знают «ВСЁ» (во всяком случае, гораздо больше меня), но безотчетно следуют принятым мнениям, подходам и установкам, «Я» же склонен к демифологизации и «несолидарному» чтению (о нем см.: [Жолковский 2010; Панова 2018: 40 сл.]), ревностно избегая «интенционального заблуждения» (в смысле [Wimsatt, Beardsley 1946]), — готов нелицеприятно взглянуть на дело с неожиданной стороны и увидеть что-то ускользнувшее от всеобщего внимания.

Во-вторых, перейдя однажды от языкознания к литературоведению, я стараюсь не забывать, где кончается грамматика/лингвистика и начинается риторика/поэтика, памятуя, что практический (бытовой, коммерческий, научный) текст может быть истинным или ложным, а художественный — удачным (убедительным, фасцинирующим) или неудачным (неубедительным, скучным).

Last but not least, в духе «поэтики выразительности» (о ней см.: [Жолковский, Щеглов 2016: 119–258]), я беззастенчиво покушаюсь на формулировку чисто смысловой (декларативной, невыразительной, безыскусной) темы рассматриваемого текста, чтобы понять, «в точности что́» — в связи с «как» и в отличие от «как» — в нем «сделано» (воплощено, выражено).

[3] Об истории появления и бытования знаменитой фразы Щербы в разных ее вариантах см.: [Светозарова 2023: 118–119].

[4] Подобно большинству исследователей, я рассматриваю неакцентуированный вариант фразы; об акцентуированном варианте (*Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка*) речь еще пойдет. В существенно ином виде фраза Щербы приводилась другим его слушателем — Ираклием Андрониковым [1981: 54–56]; обсуждение вариантов см. в [Проскурин 2020; Светозарова 2023: 119].

на лекции в Российском институте истории; см. примеч. 4), но примечательным образом в своих научных трудах к нему не обращался.

Широкой публике история с куздрой стала известна десяток лет спустя в увлекательном изложении Л. В. Успенского (1900–1978) — его журнальной статье для среднего и старшего школьного возраста [Успенский 1936], позже составившей, с изменениями, главу 6 «Глокая куздра» его популярной книги «Слово о словах» [Успенский 1971: 201 сл.] (первое из многочисленных изданий — 1954 г.)[5].

Ярким эпизодом этой серии коммуникаций стало ознакомление с фразой Щербы в 1961 г. основоположника датского структурализма Луи Ельмслева (1899–1965), узнавшего о ней от молодого тогда аспиранта Московского университета, а в дальнейшем выдающегося российского филолога Б. А. Успенского (род. 1937), командированного на обучение к нему в Копенгаген:

> Ельмслев ‹...› начал вспоминать русских языковедов, с которыми ему довелось встречаться ‹...› В частности, он упомянул имя Л. В. Щербы, ‹...› и я упомянул о «Глокой куздре...» ‹...›
>
> Ельмслев в какой-то мере владел русским языком ‹...›
>
> Я воспроизвел фразу Щербы и рассказал о том, как он подвергал ее лингвистическому анализу. «И что же было дальше?» — спросил Ельмслев ‹...› Его реакция показалась мне странной. «Прошу прощения, — сказал я. — Вы поняли эту фразу? — Да, понял, ‹...› продолжайте, пожалуйста».
>
> Я растерялся. Эффект моего рассказа был потерян.
>
> «Простите, — сказал я осторожно. — Не могли бы Вы сказать, что именно Вы поняли?» Ельмслев почувствовал себя неуверенно ‹...›
>
> «Мне показалось, что какое-то большое животное побило какое-то другое животное и бьет его детеныша. Разве не так?» ‹...›
>
> Ельмслев не знал русский язык достаточно хорошо для того, чтобы понять, что слов, из которых составлена фраза Щербы, не существует; но ‹...› достаточно хорошо, чтобы понять общий смысл этой фразы [Успенский 2012: 206–207].

Ельмслев являл, таким образом, уникальное совмещение звездного научного статуса с еще меньшей, нежели у юных слушателей Щербы, способностью отнестись к делу критически[6].

---

[5] Но еще до первого издания «Слова о словах» сценка с глокой куздрой была воспроизведена героиней послевоенной школьной повести, молодой учительницей Мариной Николаевной, почерпнувшей ее из [Успенский 1936] и как по нотам разыгравшей ее со своими четвероклассниками [Вигдорова 1949: 12–13].

[6] Кстати, Успенский рассматривает далее трактовку той же фразы в книге академика А. Р. Лурия [1998: 163], еще более наивно солидарную с формулой (19), к которой подвел своих студентов Щерба, и замечает, что великий психолог выступает в данном случае не как исследователь, но как носитель языка, и именно в этом плане его восприятие может представлять интерес [Успенский 2012: 211]. Нельзя не отметить, что это восприятие более или менее совпадает с тем, как воспринял данную фразу Ельмслев.

Рассуждения Щербы были затем добросовестно воспроизведены и проинтерпретированы в работах ряда лингвистов [Апресян 1966: 146–147; Моисеев 1982; Гаспаров 1996: 94–95][7].

В XXI в. наступила пора критического пересмотра, вдохновленного экспериментальностью исходной фразы. Пересмотр пошел по трем направлениям: уточнения семантики фразы, расширения круга ее грамматических интерпретаций и осмысления ее жанровой природы.

Пример первого подхода, умеренно новаторского, находим у Б. А. Успенского, который, держась того же грамматического разбора, что Щерба и его первокурсники, во многом уточняет довольно-таки приблизительную, как оказывается, формулу (19)[8].

Ф. Н. Двинятин тоже остается в рамках принятого разбора фразы, но делает это, отрефлектировав проблематичность такого решения:

> Здесь и далее фраза ‹...› анализируется согласно ее традиционной грамматической интерпретации, при которой «глокая» понимается как прилагательное в ж. р. им. п. ед. ч., «куздра» — как подлежащее, а «бокра» и «бокренка» как прямые дополнения, выраженные одушевленными именами существительными в вин. п. Между тем ‹...› эта ‹...› интерпретация отнюдь не очевидна. Когда данный текст читался в качестве устного доклада, при его обсуждении А. Ф. Журавлев обратил внимание автора и при-

---

[7] Ср., например: «*Будлануть* — глагол, обозначающий насильственное и энергичное воздействие на объект, нечто вроде *ударить*; ‹...› этот глагол является переходным, поскольку у него есть выраженное одушевленным существительным (ср. окончание ***-а*** в винительном падеже) прямое дополнение (*бокра*), а переходные глаголы однократного подвида на ***-ануть*** имеют в русском языке именно это значение, ср. ‹...› *долбануть*, *звезданут*ь...» [Апресян 1966: 146].

[8] Приведу одно такое рассуждение.

«...с известной вероятностью мы можем предположить, что это дикое животное, поскольку названия детенышей домашних животных нередко образуются от иной основы, нежели названия взрослых особей (ср.: *собака — щенок*, *лошадь — жеребенок*, *корова — теленок* ‹...›). Правда, это не всегда так (ср.: *кот — котенок*, *козел — козленок*, ‹...› *гусь — гусенок* ‹...›). ...образования на *-ёнок* могут встречаться у домашних животных ‹...›, когда одно и то же название служит для обозначения домашнего и дикого животного (ср., например: *гусь*, *утка*). Во всяком случае для диких животных это нормальный и продуктивный ‹...› способ образования, который, кажется, не знает исключений (чего нельзя сказать о животных домашних). Опять-таки: такова спонтанная ассоциация ‹...›. Мы не можем на этом настаивать, но мы можем этого ожидать.

Далее, если бокр — это дикое животное, то дело, скорее всего, происходит в лесу или в поле, вообще — в нецивилизованном пространстве. По аналогии мы можем думать тогда, что и глокая куздра тоже относится к разряду диких животных. Коль скоро куздре принадлежит активная роль по отношению к бокру и бокренку, кажется естественным предположить, что куздра превосходит бокра по своим физическим возможностям; поскольку же соотношение в силе обычно соответствует соотношению в размерах, мы можем представить, что слово *глокая* означает ‘большая, огромная’. Конечно, и это не обязательно ‹...›. И тем не менее, в силу ассоциативных связей, такое представление ‹...› оказывается достаточно естественным.

В результате в нашем сознании возникает образ какого-то дикого существа (животного), которое напало на другое дикое животное и терзает его детеныша» [Успенский 2012: 208–209] (ср. отчасти сходный пассаж из [Двинятин 2003] в примеч. 10).

> сутствующих на возможность альтернативного прочтения фразы, согласно которому «глокая» окажется деепричастием (как «чмокая» или «глотая»), «куздра» — прямым дополнением, выраженным одушевленным существительным в мужском роде, а «бокра» и «бокренка» — подлежащими, выраженными именами существительными женского рода (вроде «чмокая тигра толкнула баба и щекочет девчонка»). Возникает вопрос, не спрятана ли во фразе Щербы грандиозная грамматическая провокация. Однако автор данной статьи не может его разрабатывать [Двинятин 2003: 385–386].

Это более радикальный второй подход, практиковавшийся, в частности, покойным Михаилом Безродным, ср.:

> [lenta]: При переносе ударения «Куздра» может интерпретироваться и как собирательное («шпана») и как простореч. мн. ч. («директора»).
>
> [m_bezrodnyj]: ШТЕКО может быть и существительным ж. р. ‹...› на ум ‹...› приходит единственный пример: «старая скво» [Безродный 2007].

Нашего проницательного читателя возможность такого альтернативного взгляда, разумеется, не удивит — ведь именно подобными соображениями был вдохновлен набор потенциальных прочтений заглавия (2)–(15)[9].

Третий подход, поистине прорывный, — в статье Двинятина, рассматривающего фразу Щербы как продукт не чисто языковой, а поэтической деятельности, хотя и основанной на работе со свойствами естественного языка. Двинятин демонстрирует систематическую организованность этой фразы на всех уровнях: морфологии, синтаксиса, лексики, фонетики, парономастики, мифологизма и интертекстуальности[10].

---

[9] О возможных альтернативных синтаксических прочтениях фразы (18) см. также: [Светозарова 2023: 120–121].

[10] Кратко процитирую несколько важных мест.

«Морфемный уровень привлекает внимание использованием однокоренных слов *бокр* и *бокренок* (“фигура словообразования”, “парегменон”, figura etymologica и др.). Подобные структуры ‹...› представляют собой преимущественный тип актуализации морфемного уровня в поэтике текста ‹...›.

Следующая черта в организации текста объединяет звукосмысловой и, условно говоря, морфемный ‹...› уровни. Речь идет о звукосмысловом притяжении слов *куздра* и *кудрячит*:

КУзДРа <...> КУДРячит.

О подобных структурах принято говорить как о “парономасии”, “поэтической этимологии”, “звуковой метафоре” ‹...›

Если искать некий “звукосмысловой прототип” *бокра*, то таковым ‹...› окажется *бобр*. *Бобр* отличается от *бокра* только одной фонемой ‹...›, кроме того, у *бобр* есть производное *бобренок*, что дает параллель к *бокр — бокренок*. ‹...›

...ближайшими “звукосмысловыми прототипами” *куздры* ‹...› нужно признать *выдру* и *гидру* ‹...› эти слова ‹...› являются этимологически родственными, восходя к еди-

Итак, перед нами:

— чреда впечатляющих триумфов Щербы — автора фразы (18);

— проблематичность их научного статуса, в частности, ввиду непрофессионализма первичной аудитории и площадки ряда последующих публикаций;

— академическая верность профессиональных последователей Щербы избранному им грамматическому разбору этой фразы;

— игнорирование других возможных альтернативных ее прочтений vs усмотрение в них грамматической провокации;

— анализ фразы Щербы как художественного текста.

Связаны ли друг с другом — и если да, то как, — пять перечисленных аспектов ситуации? Присмотримся к загадочному шедевру Щербы под этим углом зрения.

3. Начнем с его вроде бы безупречно научных составляющих (20)–(22).

(20) Элементарная истина: грамматические показатели способны нести не только синтаксическую, но и семантическую информацию.

Действительно, экспериментальное слово *бокра*, прочитываемое как форма род. (в роли вин.) п. сущ. м. р., наводит на мысль об одушевленности референта, предполагаемый суффикс *-ну-* аналогичным образом указывает на однократность действия, обозначенного глаголом **будлать*, а суффикс *-ён*(*о*)*к-* — на отношение «родитель — детеныш» между двумя существами, связанными лексическим и теперь выходит, что биологическим родством.

ному индоевропейскому корню и словообразовательной модели ‹...› таким образом, *гидра* (‘чудовище’) будет отвечать за “чудовищность и агрессивность” *куздры*, ее способность *будлануть* и *кудрячить*, а *выдра* — за ‹...› связь с *бобром* ‹...› выдра относится к отряду хищных, бобр — к грызунам; но отнесенность обоих к полуводным животным, ‹...› явная хтоничность делают их мифологическими родственниками ‹...› обращает на себя внимание явное сходство структуры корня в словах *выдра* и *бобр*. Таким образом, *будланула* и *кудрячит* в качестве прототипа скорее всего *гидра* (но и *выдра* перед бобром, как хищник перед грызуном, имеет некоторые преимущества), но в то же время, придавая свершающемуся мифологически амбивалентный смысл, из-за *гидры* выглядывает водная и хтоничная, как и *бобр*, *выдра* ‹...›

В последнее время ‹...› глубокой разработке подвергся “текст бобра” ‹...› в мифологической перспективе ‹...› особый интерес могут представлять ‹...› интенсивность “текста бобра” ‹...› и ‹...› связь с “основным мифом”. Применительно к последнему важно заключение В. Н. Топорова о реконструкции фрагментов праславянского текста, в которых **bobrъ* / **bebrъ* может выступать в качестве как субъекта, так и объекта при предикатах **gъnati*, ‹...› **biti, *loviti*, т. е. оказываться в позиции как Громовержца, так и его противника ‹...› фраза Щербы выглядит странно схожей с краткими изложениями основного мифа, включая ‹...› мучение-истязание сына-ребенка-детеныша» [Двинятин 2003: 387, 391–393].

Полного пересказа статьи я здесь не предпринимаю, полагая знакомство с ней обязательным для занимающихся фразой Щербы. Замечу, что Двинятин рассматривает вариант, в котором фигурирует *кудрячит*, а не *курдячит*.

Как мы уже видели и увидим далее, эти предложенные Щербой интерпретации являются вероятными, но далеко не единственными возможными. Характерно, что в одной короткой фразе совмещен ряд очень информативных формальных черт, в чем, конечно, можно видеть случайное стечение языковых обстоятельств, однако, на мой взгляд, следует констатировать целенаправленный, по сути манипулятивный выбор автора, призванный убедить слушателей в семантическом всесилии грамматики. Действительно,

— стоило Щербе вместо мужского **бокра* поставить женскую **бокру*, и сема одушевленности перестала бы считываться;

— то же и с отношением родства: между *бокром* и *бокрёнком* оно морфологически задается, а, скажем, между *быком* (или *коровой*) и *телёнком* — нет;

— не говоря о том, что возможны фонетически сходные, но морфологически не значимые пары типа *тело / телёнок* или *пела / пелёнка*.

Щерба вовлекает слушателей в разбор не случайной, статистически средней и потому лингвистически представительной фразы, а фразы возможной, но тщательно выисканной и выстроенной — в частности, и в том, что касается ее блестяще сымитированной «представительности»:

> Главную черту грамматики этого текста можно назвать парадигматической репрезентативностью. Среди семи знаменательных слов текста есть образцы всех четырех основных частей речи (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие ‹...›). Также представлены все пять традиционно выделяемых членов предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство). Глагол занимает только позицию сказуемого, точно так же, как прилагательное — позицию определения и наречие — позицию обстоятельства, существительное представлено в позициях подлежащего и дополнения, т. е. синтаксические позиции всех частей речи типичны и характерны (разумеется, Щерба так и придумывал фразу, исходя из ее дидактического предназначения.) [Двинятин 2003: 388].

Нельзя отказать Щербе и в искусном выборе (если не сочинении) густой, внутренне очень связной ситуации, стоящей за восемью словами текста. В наиболее вероятной трактовке фразы фигурируют трое персонажей, двое из которых состоят в родстве и подвергаются нападению со стороны третьего, сначала один — однократному, предположительно его обезвреживающему, а затем другой — сходному, но более длительному, т. е. с повтором и нарастанием. Фабульная, в частности причинно-следственная связность и структурная четкость избранного однозначного осмысления фразы повышают его привлекательность, заранее обесценивая рассмотрение альтернативных вариантов[11].

[11] Эвристически вероятностный (а не логически обязательный) модус умозаключений о смысле искусственной фразы (18), подсказываемом ее грамматикой, осознает и все время корректно оговаривает Б. А. Успенский в своем анализе [Успенский 2012:

На нетребовательный первый взгляд, беспроблемно научными представляются еще два достоинства акции Щербы.

(21) Традиционный педагогический прием: излагать научные сведения не в готовом («догматическом») виде, а подводя учеников к их открытию в ходе интерактивного рассмотрения фактов.

(22) Новаторская идея: работать не только с наличными языковыми данными, но и с экспериментальными, специально изготовленными, в частности — позволяющими наглядно отделить один уровень изучаемого объекта (в данном случае грамматический) от другого (лексико-семантического).

Заметим, однако, что педагогический прием (21) при всей своей просветительской корректности уже предрасполагает к движению в сторону «артистизма, актерства», а экспериментальный принцип (22) увеличивает свободу творческой фантазии художника. Более того, выбор в качестве экспериментального материала не просто каких-то необычных, а вообще несуществующих лексических единиц означает шаг в сторону конкретной поэтической практики — заумно-футуристической (ему посвящена статья Двинятина). А в риторическом плане — обещает эффектный контраст между бросающейся в глаза бессмысленностью несуществующих лексем и обнаруживающейся за ней информативностью.

4. Перейдем к более откровенно «ненаучным, риторическим, художественным» аспектам акции Щербы (23)–(33).

(23) Его интерактивная лекция представляет собой своего рода шоу, перформанс, рассчитанный на полное подчинение доброжелательной и интеллектуально беззащитной аудитории.

Действительно,

— от студентов мы не слышим каких-либо серьезных возражений или альтернативных интерпретаций;

— лектор не предпринимает никаких собственно научных — профессионально реферируемых — публикаций на эту тему;

— следующая стадия эксперимента развертывается в рамках солидарного повествования писателя-прозаика — популяризатора науки;

199–211], очень чутком (см., например, выше примеч. 8), но в принципе солидарном с синтаксически и семантически безальтернативным анализом Щербы. Однако рассматривать эту и подобные фразы просто как тексты естественного языка, допускающие вероятностные оценки, все равно, что изучать политэкономию Франции 1830-х годов по «Парижском тайнам» (1843) Эжена Сю и «Графу Монте-Кристо» (1846) Дюма-отца. (Собственно, примерно так и поступал Энгельс, опиравшийся на Бальзака, но к чему это привело всех нас, хорошо известно.) Художественный, поэтический текст может притворяться общеязыковым, практическим, но его семантическая определенность представляет собой не рандомное отклонение, а продукт «построения и игры» — целенаправленной манипуляции, обеспечивающей переход лингвистического количества в поэтическое качество.

— и парадоксальным апофеозом этого некритического (вос)приятия становится привлечение на роль покорного адресата (narratee англоязычной нарратологии) аж самого Ельмслева, светила мировой лингвистики, но владеющего русским языком, в особенности его лексикой, лишь в ограниченном масштабе[12].

На этом заведомо непрофессиональном/полупрофессиональном фоне, умело избранном Щербой для успеха риторических метолов убеждения, поражает некритическое приятие его коммуникативной акции рядом представителей академической науки, покорно — солидарно — следовавших в его фарватере, не подвергая сомнению его общую установку и лишь в деталях решаясь развивать его анализ.

В чем же — по существу, а не по манере презентации — состоит «ненаучность» главного месседжа Щербы?

(24) В общем виде его основной тезис неверен: для функционирования языка характерна не простая грамматическая и семантическая однозначность, а сложное взаимодействие потенциальной многозначности с коммуникативно желательной и эвристически доступной однозначностью — процесс, в результате которого многозначность, как правило, снимается в пользу наиболее вероятного, часто простейшего и ситуативно естественного прочтения.

Щерба, разумеется, прекрасно это знает, но предпочитает срезать углы — преувеличить желанную однозначность за счет занудной, процедурно обременительной многозначности. А встав на этот путь, он уже не останавливается перед манипулятивной интерпретацией данных (к тому же искусно подогнанных для этой цели)[13], скрытыми логическими скачками и соблазнительными, но поспешными умозаключениями.

Его лингвистический эксперимент вроде бы состоит в демонстрации того, что

(25) даже не зная значений слов (С1, С2, С3...), составляющих фразу (18), носитель языка способен однозначно определить ее морфологическую и синтаксическую структуру, а тем самым получить и ее достаточно определенное осмысленное прочтение.

Но со строго формальной точки зрения, (18) — это фраза (26), синтаксически далеко не однозначная:

(26) С1-*я* С2-*а* С3-*о* С4-*а* С5-*а* С6 С7-*ит* С8-*а*.

И Щерба предпочитает работать с уже морфологически проясненной фразой (27), —

[12] В терминах поэтики выразительности Ельмслев выступает здесь в роли «готового предмета», идеально совмещающего два полюса оппозиции: «научный авторитет» и «слабое владение языком».

[13] См. выше комментарии к (20) и ниже к (34).

(27) С1-*ая* С2-*а* С3-*о* С4-(*а*)*нула* С5-*а* С6 (= *и*) С7-*ячит* С8-*ёнка*, —

не давая слушателям заметить в его рассуждениях важного эвристического скачка.

5. Рассмотрим эту последовательность форм по порядку.

Сочетание слов С1 (*глокая*) — С2 (*куздра*), как мы видели в (1)–(15), допускает большой разброс синтаксических пониманий. Но столь же потенциально многозначны и другие словоформы, см. (28)–(33).

(28) С3 (*штеко*) может быть не только наречием, но и неизменяемым нарицательным существительным ср. р. — типа *пальто*, *домино*, *эскимо*, *метро*, *авто*, *стило*, *кредо*, *ретро*, *зеро*, *арго*, *порно*, *бордо*, *кино*, *серсо*, *добро* (в смысле *дать добро*), в исключительных случаях ж. р. — *скво*, а также в им. собств. м., ср. и даже ж. р., как одуш., так и неодуш. — типа *Серго*, *Сандро*, *Адорно*, *Камо*, (*капитан*) *Немо*, *Локарно*, *Комо*, *Токио*, *Сапфо*, (*нимфа*) *Эхо*, (*богиня*) *Лето*.

(29) С4 (*будланула*) тоже морфологически более многозначно.

С4 безоговорочно прочитывается Щербой и его аудиторией как глагольная форма на *-ла* (прош. вр. ед. ч. ж. р.) с суффиксом *-ну-* (сов. в., однокр.) — типа *лягнула*, *саданула*, *шуганула*[14]. Однако на самом деле это буквосочетание допускает гораздо более широкий разброс потенциальных грамматических осмыслений, из которых назову наиболее интересные, причем учитывающие окончания не только на *-а* (как в (2)–(15)), но и на *-ла*, *-ула* и даже *-нула*:

— прежде всего вообще не глаголы, а существительные — типа *сомнамбула*, *балагула*, *громила*, *вышибала*, *заводила*, *запевала* (одуш. м. или ж. р. ед. ч. им. п.), типа *формула*, *ампула*, *гранула*, *метла*, *радиола*, *крамола* (то же, но только неодуш. ж. р.), а также типа *титула*, *разгула*, *бензола*, *баскетбола* (неодуш. ед. ч. м. р. род. п.), *консула*, *есаула*, *манула*, *крокодила*, *тарантула* (то же, но одуш.);

— но также и переходные глаголы, причем тоже на *-нуть*, необязательно сов. в. — типа *тянула*, *гнула,* а в сов. в. — не только со значением агрессивного физического воздействия — типа *обманула*, *упомянула*, *обогнула*, и это не считая непереходных форм (предполагающих иное синтаксическое

[14] По мнению Анны Зализняк, во фразе Щербы «носителем русского языка, даже не особо продвинутым в обсценном словоупотреблении ‹...› оба глагола однозначно воспринимаются как эвфемизмы для весьма распространенных матерных глаголов, обозначающих разные насильственные действия ‹...› что уже само по себе задает общую картину описываемой ситуации, и именно ту, которую имел в виду Щерба» (электронное письмо ко мне от 7 сентября 2025 г.).

То есть налицо еще одна подгонка лексически якобы нейтрального материала под заданный смысл (причем прозрачная шифровка напоминает известную по так называемой задаче Зализняка о неосмотрительном незнакомце; см.: [Жолковский 2003: 206–207]).

прочтение всей фразы (18)), причем как несов., так и сов. в. — типа *вянула*, *льнула*, *уснула*, *прянула*, *грянула*...

(30) С5 (*бокра*) тоже морфологически многозначно — ср. варианты осмысления формы *щерба* в (2)–15).

Для альтернативных синтаксических интерпретаций всей фразы (18) особенно релевантны могут быть трактовки формы *бокра* как краткого прилагательного — типа *быстра*, *мокра*, *верна*, т. е. предикатива-сказуемого, или как сущ. мн. ч. им. п. — типа *о́кна*, *брёвна*, *бёдра*, *буфера́*, *жернова́*, *права́, острова́*, *шофера́*, *профессора́*, а то и наречия — типа *вчера, завтра, иногда*...

(31) С6 (*и*) — единственное, но тем более знаменательное отступление Щербы от работы исключительно с искусственным словесным материалом; реальное слово, правда, служебное, союз[15]. Но и оно в русском языке потенциально двусмысленно, неся либо привычное сочинительное значение, либо тоже нередкое усилительно-идентифицирующее ‘именно, даже, тоже’[16].

Очевидным мотивом/оправданием включения в (18) этого реального слова является его служебность — и в этом оно подобно окончаниям *-а*, *-ла* и суффиксу *-ну-*. Но строго экспериментальная («дешифровочная») процедура потребовала бы и тут использовать — в исходной, вымышленной, сугубо экспериментальной фразе — слово, не засвидетельствованное в языке, пусть однобуквенное и, значит, предположительно служебное, скажем, *е* или *т*, — предоставляя слушателям решать, союз ли это типа *и*, *а*, предлог ли типа *к*, *о*, *у*, *в*, *с*, а может быть, и местоимение — типа *я*.

(32) С7 (*курдячит*) потенциально многозначно, даже если ограничиться рассмотрением его как глагола в 3-м л. наст. вр. (а не, скажем, сущ. м. р. — типа *одессит*, *неофит*, *фаворит*, *гастрит*, *конъюнктивит*, *антрацит*, *электрощит*, *самшит*).

---

[15] Впервые отмечено, по-видимому в [Реформатский 1996: 176], но не в 1-м издании книги (1947), а во 2-м (1960, с. 176), — со ссылкой на недавнее (1957) 2-е дополнительное изданное «Слова о словах» Льва Успенского; см.: [Проскурин 2020].

[16] Интересно, что Б. А. Успенский проходит мимо этого *и*, систематически говоря о фразе Щербы и подобных ей как о случаях, «когда фраза состоит из искусственно созданных, т. е. не существующих в данном языке слов» [Успенский 2012: 199]. Рассматривая далее [Там же: 199–201] абсурдистское четверостишие из «Jabberwocky» Кэрролла ***’Twas** brillig, **and the** slithy toves / **Did** gyre **and** gimble **in the** wabe: / **All** mimsy **were the** borogoves, / **And the** mome raths outgrabe* и абсурдистскую русскую загадку ***Пошел я за** яхтахтой, / **Попалась мне** барахтахта; / **Кабы не** ухтахта, / **Съела бы** меня барахтахта*, он опять-таки (и очень продуктивно) сосредотачивается на гипотетическом осмыслении заведомо вымышленных слов, но как бы не замечает, что оба текста более чем наполовину состоят из реально существующих слов (в примерах я их выделил полужирным шрифтом). Замечу, что последовательное игнорирование всех таких слов как сугубо служебных привело бы к утверждению, что самая знаменитая англоязычная фраза ***To be, or not to be, that is the** question* содержит лишь одно полнозначное слово: *question*.

Щерба принимает за данное, что это форма перех. гл. несов. в. со значением продолженного / многократного действия — типа *колпачить*, *дурачить*, *корячить*, *горячи́ть*, *курочить*. Но нельзя априори исключать из рассмотрения и перех. формы сов. в. — типа *назначить*, *раскулачить*, *обозначить*, *озадачить, заморочить*, а также неперех. несов. в. — типа *судачить*, *свинячить*, *портачить*, *мастачить*, *ишачить, маячить*, *скорнячить*, *чудачить*, не говоря о многочисленных формах без яркого (квази) суффикса *-я(а / о)ч-*, но с тем же с глагольным окончанием 3-го л. ед. ч. наст. вр. — типа *поймёт*, *чешет*, *смотрит, ожидает*.

(33) С8 (*бокрёнка*) допускает ряд морфологических трактовок, все в пределах категории существительного.

Вдобавок к единственному принимаемому Щербой прочтению этой словоформы как сущ. одуш. ед. ч. м. р. вин. (по форме — род.) п. со значением ‘детеныш животного’ следует учесть:

— необязательность элементов «животное» и «детеныш» (мутирующего в «ласкательность, уменьшительность, пренебрежительность»), как в случае *цыганёнка*, *жидёнка*, *негритёнка*, *чертёнка*, *бесёнка*, *пострелёнка*, *поварёнка*, *октябрёнка* и тем более *милёнка*[17];

— а иногда и элемента «одушевленность», ср. случаи типа *дожидаться / отведать цыплёнка / поросёнка / опёнка* (в качестве блюда), где формы род. п. выступают в собственной роли, а не в роли вин. п. сущ. м. р. одуш.;

— и более радикальную возможность понимания С8 как сущ. ед. ч. ж. р. им. п. — типа одуш. *бабёнка*, *разведёнка* и неодуш. *клеёнка*, *гребёнка*, *щебёнка*, *селезёнка*, *маслёнка*, *жжёнка* — т. е. как потенциального подлежащего к непереходным прочтениям С7 — типа *судачит разведёнка*, *маячит щебёнка*, *горячи́т жжёнка*, **фригячит* (окказионализм, значащий «делит наконец пламень партнера поневоле») *девчонка*, **скворчачит* («делит пламень охотно и немедленно») *бабёнка*.

6. От грамматических свойств фразы (18) обратимся к ее словесному составу.

(34) Лексический компонент фразы (18) отнюдь не нейтрален, а, напротив, насыщен свойствами, подсказывающими и направляющими ее семантическую интерпретацию, каковую Щерба поощряет слушателей некритически принять за единственную.

Таково прежде всего истолкование внешнего сходства форм С5 *бокра* и С8 *бокрёнка* как морфологической производности, выражающей сему «отношение “родитель — детеныш”». Эта интерпретация напрашивается, но формально она необязательна — вспомним, например, уже приво-

[17] Ср. [Успенский 2012: 209], где неучтенными остаются, пожалуй, только *опёнок* и *милёнок*, не говоря о сущ. ж. р. типа *разведёнка*, *бабёнка*, *работёнка*, не укладывающихся в синтаксическую структуру (19), без обсуждения принимаемую Успенским вслед за Щербой.

дившееся выше соотношение форм *пела / пелёнка*, в лучшем случае паронимическое, но морфологически и семантически не релевантное.

В направлении «незаконной семантической подсказки» действуют и имплицитные созвучия *куздра / выдра*, *бокра / бобра* и, далее, *бокрёнка / бобрёнка*, т. е. по сути тоже паронимические пары, но построенные на перекличке слов из фразы (18) с отсутствующими в ней словами, легко вспоминающимися носителям языка.

Не столь прямолинейные, но тоже достаточно целенаправленные смысловые коннотации несет и интенсивная фонетическая организация фразы (18), оркестрованная аллитерациями на *К*, *Б*, *Р*, *У* и жесткие — «футуристские» — стечения согласных *ГЛ*, *ЗДР*, *ШТ*, *КР*, *РД*.

В сочетании с соблазнительными прямыми (хотя, вообще говоря, необязательными) морфологическими и лексическими аналогиями эта фонетическая, парономастическая, отчасти звукоподражательная и интертекстуальная техника (исчерпывающе проанализированная Двинятиным) повышает упор на наивно-безусловное (через знаки-иконы и знаки-индексы), а не условное (через знаки-символы) восприятие и понимание текста. Как известно, лингвистика — в отличие от поэтики — отводит подобным «кратилическим» свойствам естественного языка как знаковой системы достаточно скромную роль, сосредотачиваясь на его преимущественно условных структурах[18]. Щерба же явно перегибает палку в завораживающе поэтическую сторону.

(35) Для акции Щербы вообще характерно открытое, а чаще скрытое манипулирование адресатами с целью убедить их в безальтернативности восприятия текста.

Таково, например, указание студенту проставить в диктуемой ему фразе (18) все ударения (кроме самоочевидного на *-ё-*): *Гло́кая ку́здра што́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка* [Успенский 1971: 203]. То есть Щерба предпочитает иметь дело с устным (а не традиционно безударным письменным) текстом — выбор вполне естественный и, казалось бы, нейтрально-безобидный[19]. Но с теоретической («грамматологической»)

[18] О кратилизме см.: [Genette 1976].

[19] Вот, кстати, что писал по этому поводу сам Щерба в одной из статей, посвященных анализу русской поэзии: «...“языком” нормально можно считать лишь то, что хотя бы мысленно произносится и с чем, конечно, ассоциируются какие-либо смысловые в самом широком и неопределенном значении этого слова представления.

Несомненно, что при известных условиях жизни в той или другой мере развивается письменный язык, не рассчитанный на произнесение, и я глубоко убежден, что возникновение некоторых явлений литературных языков, как например известные сложные синтаксические построения и многие другие явления, объясняются именно таким путем. Однако это не изменяет основного, нормального положения, в силу которого нашим языком является лишь произносимый язык: он имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письмо, текст получают их лишь через его посредство. Следовательно, всякий текст требует для своего понимания еще перевода на произносимый язык, и это оказывается вовсе не таким простым и легким» [Щерба 1923: 24–25]. Комментарий к этой статье см. в [Двинятин 2001].

точки зрения это решение означает установку на анализ в «присутствии» (présence) говорящего и контакте с ним, уменьшающем потенциальный разброс осмыслений, — а не в более объективном его «отсутствии», допускающем «бесконечную игру означающих». Да и безотносительно к оппозиции «присутствие — отсутствие» постановка ударений позволяет сократить разброс потенциальных прочтений и тем самым повысить вероятность одного единственного.

Как мы уже отметили, интерактивный грамматический разбор фразы развертывается на лекции Щербы вроде бы сам по себе, куда естественно поведет интуиция носителей языка, т. е., по сути, без правил: какие части слов объявлять знаменательными, а какие нет, определяют слушатели, но под незаметным руководством Щербы. Так, в С1 (*глокая*) не выделяется ни потенциально деепричастное окончание *-ая*, ни потенциальный адъективный суффикс *-ок-* (ср. *высокая*, *широкая*, *глубокая*, *далёкая*, *жестокая*...)[20].

Разумеется, каждый отдельный выбор и согласование всех таких выборов друг с другом в ходе грамматического разбора производятся оптимальным образом — в соответствии с правилами грамматики и вообще языкового общения (в частности, с презумпцией осмысленности текста, см.: [Успенский 2012: 205]), и, как правило, этот процесс приводит к единому простейшему решению. Более того, носители языка обычно приходят к нему путем неполного перебора всех возможных, но маловероятных решений, бесхитростно хватаясь за первое, ибо это самое простое, что приходит в голову[21]. Тем не менее это всего лишь полезный эвристиче-

---

[20] Скорее всего, это прочтение будет отброшено по фонетическим и морфологическим соображениям, но должно рассматриваться при анализе процесса осмысления фразы.

[21] Ср. в [Безродный 2007]: «Но почему же фраза Щербы воспринимается ‹...› (так. — *А. Ж.*) и никак иначе? Почему первыми реакциями на “поэт? фрукт? часть лица?” оказываются “Пушкин, яблоко, нос”?»

Вопрос, является ли принятое синтаксическое прочтение фразы (18) действительно единственным, заслуживает внимания. Попытки предложить альтернативные прочтения — в духе сымпровизированного Журавлевым на докладе Двинятина — делались неоднократно, в частности в [Кондратов 1978] (*Слушая брата, сильно психанула сестра и молчит сестрёнка*, цит. по [Светозарова 2023: 121]) и в [Безродный 2007] (например: *Горничная весьма запросто обманула повара и дразнит поварёнка*). Позволю себе привести и несколько собственных: *Ночная гроза легко обогнула берега и гонит слонёнка*; *Двойная доза быстро вылечила старика и конъюнктивит ребенка*; *Оплакивая Фаона, Сапфо упомянула тогда и гастрит милёнка* (= приложение к *Фаон*); *Старая лахудра щедро хлебнула вина, и страдает, бабёнка* (= приложение к *лахудра*); *Разводящая съела эскимо караула двора и щекочет поварёнка*; *Затихая, буря незаметно обогнула берега, и радует жжёнка*; *Кривая борта пальто есаула мокра и чудачит бабёнка*; *Считая поезда метро, запевала хора и дурачит октябрёнка*.

Очевидна надуманность и потому неубедительность всех этих вариантов. Значит ли это, что реальной альтернативы принятому синтаксическому прочтению нет и быть не может (разве что полный перебор потенциальных прочтений, осуществленный искусственным интеллектом, принесет удачный вариант)? Во всяком случае, следует признать, что принятое синтаксическое прочтение остается практически единственным приемлемым. Почему? Кумулятивное действие структур (грамматической, морфологической, паронимической, фабульной, мифологической), тщательно выстроенных

ский прием, а не универсальная истина о языке, каковая, как мы видели, многовариантнее и процедурно сложнее. Но Щерба предпочитает донести до слушателей пусть не совсем верное, но зато захватывающее юные умы представление о теме данной лекции — грамматике[22], а это модус операнди не столько научный, сколько артистический, если не фокуснический.

7. Получается, что Щерба систематически поступает не только и не столько как ученый, сколько как художник слова.

(36) Художественная природа фразы (18) и всей акции Щербы подтверждается тем, что в последующей глококуздрологической литературе (в том числе достаточно академичной) заведомо преобладают сопоставления их с поэтическими, в частности фольклорными, фантастическими, заумными, абсурдными и постмодернистскими текстами[23]; о том же свидетельствует и сама готовность последователей предлагать все новые и новые интерпретации данной фразы — как это типично для бытования художественных текстов.

Не исключено, что и сам Щерба, сочиняя свою фразу, мог вдохновляться подобными источниками, например знаменитым «Jabberwocky» («'Twas brillig, and the slithy toves...», 1871) Льюиса Кэрролла (1832–1898).

Итак,

(37) Под видом демонстрации элементарных сведений о грамматике естественного языка (на примере русского) Щерба демонстри-

---

на всех уровнях текста и бьющих в одну смысловую, а тем самым и синтаксическую точку (грамматика и семантика взаимно поддерживают друг друга), — эффект, подобный тыняновской тесноте стихового ряда.

[22] Вообще же круг интересов Щербы грамматикой вовсе не ограничивался — в центре его внимания были скорее лексика и фонетика.

Сам я в лингвистике занимался в основном лексической семантикой (см., например: [Мельчук, Жолковский 2016]), но в недооценке грамматики не повинен. На моем счету, с одной стороны, монография [Жолковский 2007] о синтаксисе сомалийского языка (лексикой которого я даже в лучшие свои времена владел в гораздо меньшей степени, чем Ельмслев лексикой русского), а с другой — опыт перевода с незнакомого языка: «...как-то ‹...› из "Науки и человечества" меня попросили срочно перевести ‹...› статью де Кастро (бразильского демографа Жозуэ де Кастро, 1908–1973. — *А. Ж.*).

‹...› открыв [конверт], я пришел в ужас. ‹...› Текст был на неизвестном мне языке; судя по обилию тильд и учитывая национальность автора, — португальском. Прошлый раз я переводил де Кастро с французского и полагал, что так же будет и теперь, в редакции же я, видимо, значился как "его" переводчик ‹...›

Что было делать? Статья оказалась не так уж длинна — страниц десять ‹...› на языке ‹...› как-никак романском ‹...›. И я решил, что если я с ходу ‹...› разберусь в синтаксисе предложений, то задача сведется к добыванию португальско-русского словаря ‹...›. Так и вышло, тем более что д-р де Кастро не подвел, опять предложив вниманию советских друзей вполне предсказуемую муру» [Жолковский 2003: 148–149].

Когда ежегодник вышел, под статьей де Кастро стояло: «Пер. с исп. [sic!] А. Жолковского».

[23] Б. А. Успенский [2012: 224–226] рассматривает среди прочего написанные на искусственном языке лингвистические сказки Людмилы Петрушевской, в одной из которых («10. Про глокую куздру и бокренка») фигурирует и сам Щерба.

> рует путем искусного подбора языковых элементов ее мощный поэтический потенциал, в частности способность к концентрированному выражению конкретного смыслового задания[24].

Но подобная подмена объявленного модуса коммуникации другим — скрытым, но дискурсивно и экзистенциально почему-либо более ценным, — и есть центральный прием искусства. Таковы:

— критика общества путем его якобы объективного, «реалистического» изображения;

— пропаганда запретных идей под маской якобы безобидного эзоповского письма;

— использование авторами нарочито ненадежных рассказчиков;

— наконец, вся поэтическая тропика — последовательная выдача одного за другое.

Щерба продает своим «фолловерам» гораздо лучший мех — не лингвистический, а, подымай выше, поэтический («Это шанхайские барсы. Ну да! Барсы! ‹...› Видите, как мех играет на солнце!»).

И свою демонстрацию силы словесного мастерства — а заодно и собственного артистизма — он строит на архетипическом принципе искусства «Что мы делали, не скажем, что мы делали, покажем». Он предстает ненадежным докладчиком о семантике грамматических значений, зато на редкость успешным поборником «лингвистической поэтики» (= предтечей якобсоновской «поэзии грамматики», см.: [Якобсон 1983]) и основателем экспериментального подхода к изучению языка[25].

Но если перед нами не нейтральный практический — научно-педагогический — текст, а выисканный поэтический, естественно встает вопрос, что же это за поэзия.

---

[24] В качестве наглядной демонстрации того, что не всякое взятое наугад и экспериментально делексикализованное русское предложение обладает желанной Щербе смысловой определенностью, приведу случайную фразу из непоэтического текста, сначала как последовательность несуществующих слов, но с реальными окончаниями (как в (26)), а затем и в морфологически более проясненном виде (как в (27)), — и предложу читателю реконструировать хотя бы приблизительно ее смысл:

(38а) С1-*но* С2-*ий* С3 С4-*ет* С5 С6-*го* С7-*ит* С8-*я* С9 С10-*а* С11 С12-*ый* С13 С14 С15 С16-*ается* С17 С18 С19-*им* С20-*им* С21-*им*, т. е.:

(38б) *Согручекам-**но** глоск-**ий** ренк жлечу-**ет** кра дроа-**го** нузитамне-**я** ири сакендок-**а** жо трокатим-**ый** ожел е аси гитун-**ется** дорде ку бах-**им** тренг-**им** д земб-**им**.*

(39а) С1-*тельно* С2-*ий* С3 С4-*ует* С5 *для* С6 С7-*его* С8-*ения* С9 *еще* С10-*а С11-на* С12-*имый* С13 С14 *и* С15 *это* С16-*ается* С17 С18-*не* С19-*им* С20-*им* С21-*им*, т. е.:

(39б) *Согруче-**тельно** глоск-**ий** ренк жлеч-**ует для** дро-**его** нузит-**ения еще** сакендок-**а на** трокат-**имый** ожел **и это** гитун-**ается** дорде **не** бах-**им** тренг-**им** и земб-**им**.*

Ответ см. в конце цитаты в примеч. 19.

[25] Об экспериментальном подходе в языкознании см.: [Щерба 1974]; замечания об экспериментировании при анализе поэтического текста см. в [Щерба 1923].

Как убедительно показал Двинятин, (18) — своего рода заумное стихотворение в духе футуристических опытов эпохи, и в первую очередь Хлебникова[26]. Можно добавить, что Хлебникову оно близко и своим отчетливо русским / славянским духом (тем, что Омри Ронен [2002] по другому поводу назвал «русским голосом» у Мандельштама), — недаром потенциальная лексика фразы рассматривается обычно в свете и под углом исключительно отечественного корнеслова[27].

Развивая метапоэтический взгляд на (18), позволю себе нечто вроде неформального, — с позволения Щербы, тоже не строго научного, а полухудожественного — постскриптума.

Зачем пишутся стихи? Основной стимул авторов — это, как полагают представители самых разных литературоведческих школ (от традиционно биографической до еще недавно новаторской психоаналитической), выразить свое мироощущение, причем, как правило, в порядке не простого излияния чувств, а изощренной игры со своим лирическим «я» и обуревающими это «я» переживаниями — типа романтического (иногда революционного) бунта, сентименталистской эмпатии, комплекса неполноценности, треугольного (подражательного) желания и т. д.

Какая лирическая установка угадывается за тщательно отделанной фразой Щербы о *глокой куздре*? Согласно Двинятину, фонетическое сходство антропонима *Щерба* с лексическим репертуаром его сигнатурной фразы, а через него и с ее архетипической подоплекой «открывает новую возможную тему: связь текста о глокой куздре с презентацией собственной фамилии» автора [Двинятин 2003: 393]. О какой же самопрезентации может идти речь? Каков тот комплекс, та травма, изживанию которой может способствовать сама по себе незамысловатая, но поэтически преображенная фабула с тремя животными — «хтоническими» — персонажами?

А вот каков: поэта удручает «неавантажность», а то и «ущербность» его фамилии — см. выше (16)–(17), — гротескно подчеркиваемая контрастом с его «царственным» именем[28], и он сочиняет текст, прославляющий, хотя и под сублимирующей маской лексической условности, хищное, под стать *Льву*, торжество *куздры* — alias *Щербы*. Это созвучно ницшеанской установке поэта-футуриста на садистский контроль над мазохистски настроенным читателем (располагающей к жестким аллитерациям, ср. ло-

[26] К сравнению с Хлебниковым приходит и Б. А. Успенский [2012: 229 сл.], не присваивая, однако, Щербе соответствующего авторского статуса.

А можно во фразе Щербы усмотреть и своего рода абстрактное хайку; убрав три лишних слога, получим: «Глокая куздра / Штеко будлнула бокра, / Курдчит бокрёнка». Обязательное в хайку указание на время года не дано впрямую, но недвусмысленно присутствует в тексте: как известно, период *штечки* у представителей семейства *куздровых* (лат. *Cusdridae Sterba*, 1925) приходится на первую половину марта.

[27] Легко заметить, что мои формулы (6), (10), (13), (14) и некоторые примеры в примеч. 25 этом принципу не следуют.

[28] Раз вступив на эту шаткую почву, трудно не заметить, что в истории легендарной фразы фигурируют сразу два, а то и три «льва»: ***Лев** Щерба*, ***Лев** Успенский* и *Луи Ельмслев* (а заодно и двое *Успенских*).

зунг Маяковского: *Есть еще хорошие буквы: Эр, Ша, Ща*) и авторитетной лекторской позе великого ученого, властвующего над аудиторией[29].

* * *

Итак, акция Щербы является типично художественной на всех уровнях:

— ее тема (доминанта, сверхзадача, master trope) — выдать поэтический текст и его свойства за общеязыковое явление[30];

— предлагаемый им текст тщательно выстроен, «подогнан» под этот информационный эффект (опять-таки на множестве уровней: фонетическом, синтаксическом, фабульном, архетипическом...);

— целенаправленная организация нужного эффекта опирается на типовые законы «упрощенного» восприятия;

— в качестве формата презентации избран перформанс перед доверчивой полупрофессиональной аудиторией;

— в дальнейшем эта некритичность поддерживается традицией солидарности с авторитетами;

— в пределах канонического восприятия он, подобно художественным текстам, провоцирует множественность прочтений;

— текст и его презентация выдержаны в авангардном духе властвования над адресатом;

— и если позволить себе легкий интерпретаторский каприз (от чего творцы художественных текстов не застрахованы), то перед нами характерный — серьезный или иронический — жест авторской самопрезентации художника, преодолевающий его личную травму.

Источники

Андроников 1981 — *Андроников И.* Кудматая бокра // Андроников И. А теперь об этом. М.: Сов. писатель, 1981.

Безродный 2007 — *m-bezrodnyj* [*Безродный М. В.*] Штеко? // Livejournal.com. 2007. 6 нояб. [Пост и 75 комментов]. URL: https://m-bezrodnyj.livejournal.com/171885.html.

Вигдорова 1949 — *Вигдорова Ф.* Мой класс: Записки учительницы. М.; Л.: Изд-во и ф-ка дет. книги Детгиза, 1949.

Успенский 1936 — *Успенский Л.* Глокая куздра // Пионер. 1936. № 4. С. 103–104.

[29] Об этих властных установках см.: [Смирнов 1994: 179–314 (раздел «Садоавангард»); Жолковский 2016; Панова 2018: 26 сл.].

[30] И это риторически гораздо эффектнее, чем если бы та же фраза (18) была представлена нам как принадлежащая перу профессионального поэта, скажем, того же Хлебникова, или как составленная профессиональным ученым, скажем, тем же Щербой, но в качестве не просто языкового, а именно поэтического примера: эффектный троп пропал бы, а осталась бы научно добросовестная иллюстрация возможностей поэтического обращения с языком.

Справочные издания

Губарев 1970 — Казачий словарь-справочник / Сост. В. А. Губарев. Т. 3. Сан-Ансельмо: [Изд. А. И. Скрылов], 1970.

Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение: Ок. 100 000 слов. М.: Рус. яз., 1977.

Литература

Апресян 1966 — *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966.

Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996.

Двинятин 2001 — *Двинятин Ф. Н.* Из комментария к статье Л. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений. — 1. “Воспоминание” Пушкина» (1922) // Архив петербургской русистики. [2001]. URL: https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/add2-1.htm.

Двинятин 2003 — *Двинятин Ф. Н.* Заумный Щерба: к поэтике фразы про глокую куздру // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов; Сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славян. культуры, 2003. С. 383–394.

Жолковский 2003 — *Жолковский А. К.* Эросипед и другие виньетки. М.: Водолей Publishers, 2003.

Жолковский 2007 — *Жолковский А. К.* Синтаксис сомали: Глубинные и поверхностные структуры. 2-е, изд. доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. (1-е изд.: М.: Наука — Гл. ред. вост. лит., 1971).

Жолковский 2010 — *Жолковский А.* Осторожно, треножник! Ответ оппоненту // Жолковский А. Осторожно, треножник! М.: Время, 2010. С. 396–406.

Жолковский 2016 — *Жолковский А. К.* Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие) // Жолковский А. К. Блуждающие сны: Статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, 2016. С. 205–216. (1-я публ.: 1986).

Жолковский, Щеглов 2016 — *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Ex ungue leonem: Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Кондратов 1978 — *Кондратов А. М.* Звуки и знаки. 2-е изд., перераб. М.: Знание, 1978. (1-е изд.: 1966).

Лурия 1998 — *Лурия А. Р.* Язык и сознание. [2-е изд.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. (1-е изд.: 1979).

Мельчук, Жолковский 2016 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. (1-е изд.: 1984).

Моисеев 1982 — *Моисеев А. И.* «Глокая куздра» Л. В. Щербы (канонический текст, варианты и подражания) // Проблемы комплексного анализа языка и речи: Межвуз. сб. / [Отв. ред. Л. В. Бондарко]. Л.: [Ленингр. ун-т], 1982. С. 9–16.

Панова 2018 — *Панова Л. Г.* Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. (1-е изд.: 2017).

Проскурин 2020 — *Проскурин О. А.* Еще раз о глокой куздре: Текстологический очерк: [Рукопись]. 2020.

Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. [5-е изд.] / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. (1-е изд.: 1947).

Ронен 2002 — *Ронен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 43–67.

Светозарова 2023 — *Светозарова Н. Д.* Как сделана «глокая куздра» // Русская речь. 2023. № 6. С. 116–128. https://doi.org/10.31857/S013161170029360-5.

Смирнов 1994 — *Смирнов И. П.* Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Нов. лит. обозрение, 1994.

Успенский 1971 — *Успенский Л.* Слово о словах. Почему не иначе? Л.: Дет. лит., 1971. (Слово о словах: 1-е изд.: 1954).

Успенский 2012 — *Успенский Б. А.* Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2012. (1-е изд.: 2007).

Щерба 1923 — *Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. I: «Воспоминание» Пушкина // Русская речь: Сборники ст. / Под ред. Л. В. Щербы. [Вып.] 1. Пг.: Изд. Фонетического ин-та практического изучения языков, 1923. С. 13–56.

Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.

Якобсон 1983 — *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 462–482. (1-я публ.: 1961).

Genette 1976 — *Genette G.* Mimologiques: Voyage en Cratylie. Paris: Seuil, 1976.

Wimsatt, Beardsley 1946 — *Wimsatt W. K. Jr., Beardsley M. C.* The intentional fallacy // The Sewanee Review. Vol. 54. No. 3. 1946. P. 468–488.

References

Apresian, Iu. D. (1966). *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki (kratkii ocherk)* [Ideas and methods of modern structural linguistics: A brief outline]. Prosveshchenie. (In Russian).

Dviniatin, F. N. (2001). Iz kommentariia k stat'e L. V. Shcherby "Opyty lingvisticheskogo tolkovaniia stikhotvorenii. — 1. 'Vospominanie' Pushkina" (1922) [From the commentary on L. V. Shcherba's article "Attempts at a linguistic interpretation of poems. 1. Pushkin's 'Remembrance'" (1922)]. In *Arkhiv peterburgskoi rusistiki*. https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/add2-1.htm. (In Russian).

Dviniatin, F. N. (2003). Zaumnyi Shcherba: k poetike frazy pro glokuiu kuzdru [A transsense Shcherba: On the poetics of the phrase about the *glokaia kuzdra*]. In L. O. Zaionts, & T. V. Tsiv'ian (Eds.). *Evraziiskoe prostranstvo: Zvuk, slovo, obraz* (pp. 383–394). Iazyki slaviianskoi kul'tury. (In Russian).

Gasparov, B. M. (1996). *Iazyk, pamiat', obraz: Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia* [Language, memory, image: The linguistics of linguistic existence]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Genette, G. (1976). *Mimologiques: Voyage en Cratylie*. Seuil.

Iakobson [Jakobson], R. (1983). Poeziia grammatiki i grammatika poezii [The poetry of grammar and the grammar of poetry]. In Iu. S. Stepanov (Ed.). *Semiotika* (pp. 462–482). Raduga. (In Russian).

Kondratov, A. M. (1978). *Zvuki i znaki* [Sounds and signs] (2nd ed., rev.). Znanie. (In Russian).

Luriia, A. R. (1998). *Iazyk i soznanie* [Language and consciousness] (2nd ed.). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Mel'čuk, I. A., & Zholkovsky, A. K. (2016). *Explanatory combinatorial dictionary of contemporary Russian: Semantic-syntactic studies of Russian vocabulary* (2nd ed., rev.). Izdatel'skii Dom IaSK. (In Russian).

Moiseev, A. I. (1982). "Glokaia kuzdra" L. V. Shcherby (kanonicheskii tekst, varianty i podrazhaniia) [L. V. Shcherba's "glokaia kuzdra" (canonical text, variants, and imitations)]. In L. V. Bondarko (Ed.). *Problemy kompleksnogo analiza iazyka i rechi: Mezhvuzovskii sbornik* (pp. 9–16). (n. p.). (In Russian).

Panova, L. G. (2018). *An imaginary orphanhood: Velimir Khlebnikov and Daniil Kharms in the context of Russian and European modernism* (2nd ed., rev. and ampl.). Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ėkonomiki. (In Russian).

Proskurin, O. A. (2020). *Eshche raz o glokoi kuzdre: Tekstologicheskii ocherk* [Once again about the glokaia kuzdra: A textological sketch] (Manuscript). (In Russian).

Reformatskii, A. A. (1996). Vvedenie v iazykovedenie [Introduction to linguistics] (5th ed.). Aspekt Press. (In Russian).

Ronen, O. (2002). O "russkom golose" Osipa Mandel'shtama [On Osip Mandelstam's "Russian voice"]. In O. Ronen. *Poėtika Osipa Mandel'shtama* (pp. 43–67). Giperion. (In Russian).

Shcherba, L. V. (1923). Opyty lingvisticheskogo tolkovaniia stikhotvorenii. I: "Vospominanie" Pushkina [Attempts at a linguistic interpretation of poems. I: Pushkin's "Remembrance"]. In L. V. Shcherba (Ed.). *Russkaia rech': Sborniki statei* (Vol. 1, pp. 13–56). Izdanie Foneticheskogo instituta prakticheskogo izucheniia iazykov. (In Russian).

Shcherba, L. V. (1974). O troiakom aspekte iazykovykh iavlenii i ob eksperimente v iazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on experiment in linguistics]. In L. V. Shcherba. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* (pp. 24–39). Nauka. (In Russian).

Smirnov, I. P. (1994). *Psikhodiakhronologika: Psikhoistoriia russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psychodiachronologic: A psychohistory of Russian literature from Romanticism to the present day]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Svetozarova, N. D. (2023). How is "glokaya kuzdra" made. *Russian Speech = Russkaya rech', 2023*(6), 116–128. https://doi.org/10.31857/S013161170029360-5. (In Russian).

Uspenskii, L. (1971). *Slovo o slovakh. Pochemu ne inache?* [A word about words. Why not otherwise?]. Detskaia literatura. (In Russian).

Uspenskij. B. A. (2012). *Ego Loquens: Iazyk i kommunikativnoe prostranstvo* [[Ego Loquens: Language and communicative space] (2nd ed., rev. and enl.). Rossiisk. gos. gumanit. un-t. (In Russian).

Wimsatt, W. K. Jr., & Beardsley, M. C. (1946). The intentional fallacy. *The Sewanee Review, 54*(3), 468–488.

Zholkovsky, A. K. (2003). *Erosiped i drugie vin'etki* [Erosiped and other vignettes]. Vodolei Publishers. (In Russian).

Zholkovsky, A. K. (2007). *Sintaksis somali. Glubinnye i poverkhnostnye struktury* [Somali syntax: Deep and surface structures] (2nd ed., enl.). Izdatel'stvo LKI. (In Russian).

Zholkovsky, A. (2010). Ostorozhno, trenozhnik! Otvet opponentu [Beware, a tripod! A reply to an opponent]. In A. K. Zholkovsky. *Ostorozhno, trenozhnik!* (pp. 396–406). Vremia. (In Russian).

Zholkovsky, A. K. (2016). Grafomanstvo kak priem (Lebiadkin, Khlebnikov, Limonov i drugie) [Graphomania as technique (Lebyadkin, Khlebnikov, Limonov, and others)]. In A. K. Zholkovsky. *Bluzhdaiushchie sny: Stat'i raznykh let* (3rd ed.) (pp. 205–216). Azbuka. (In Russian).

Zholkovsky, A. K., & Shcheglov, Iu. K. (2016). *Ex ungue leonem: Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [*Ex ungue leonem*: Tolstoy's children's stories and the poetics of expressiveness]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Информация об авторе

Александр Константинович Жолковский
кандидат филологических наук
заслуженный профессор, Университет Южной Калифорнии (Лос-Анджелес)
255 Taper Hall, University Park, Los Angeles Ca, 90089-4353, USA
✉ *alik@usc.edu*

Information about the author

Alexander Konstantinovich Zholkovsky
Cand. Sci. (Philology)
Professor Emeritus, University of Southern California (Los Angeles)
255 Taper Hall, University Park, Los Angeles Ca, 90089-4353, USA
✉ *alik@usc.edu*